

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.030
УДК 930.1(470) + 930.25:006.12(470) +
+ 303.8 + 378.4(470):94

О. В. Метель
*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*
Омск, Россия

МЕЖДУ ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ СЛОЖНОСТЯМИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ: ПОДГОТОВКА «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» СОВЕТСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ КОНЦА 1940-х — НАЧАЛА 1960-х гг.

Автор данной статьи анализирует процесс подготовки советскими учеными «Всемирной истории» — коллективного многотомного издания, призванного осветить историю человечества с эпохи первобытности и до середины XX в. Для этого он обращается к широкому кругу источников: делопроизводственным документам Института истории АН СССР, материалам советской периодической печати, научным трудам историков и др. Именно анализ данных документов позволяет реконструировать основные механизмы организации работы над «многотомником» и проследить процесс конструирования и «сборки» готового текста издания. Автор разделяет мнение современных историографов о том, что процесс подготовки «Всемирной истории» можно разделить на два основных этапа: конец 1930-х — начало 1950-х гг. и 1950–1960-е гг. В довоенное время советские ученые не смогли завершить работу над «Всемирной историей» из-за организационных проблем и сложностей в репрезентации материала. В первые послевоенные годы этот проект потерял свою актуальность и был отложен, и только в 1950-е гг. работа над ним возобновилась. Однако первоначально историки также сталкивались с серьезными сложностями в организации процесса подготовки издания. Некоторые изменения в этом отношении произошли после создания в Институте истории АН СССР специального сектора, ответственного за разработку «многотомника», и проведения ряда специальных обсуждений, призванных решить проблемы с изложением материала томов. В результате, все десять томов «Всемирной истории» вышли из печати в 1955–1965 гг. и, согласно опубликованным рецензиям, в целом получили положительные отзывы коллег. Однако при этом данное издание быстро приобрело статус «неактуальной классики» и не получило широкого распространения среди советских граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Всемирная история»; советская историография; Институт истории Академии наук СССР; коллективные труды; научное планирование

Благодарности

Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940–1980-х гг.: опыт институциональной истории».

Ц и т и р о в а н и е: Метель О. В. Между организационными сложностями и концептуальными противоречиями: подготовка «Всемирной истории» советскими

исследователями конца 1940-х — начала 1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 140–154. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.030>

Поступила в редакцию: 03.09.2021

Принята к печати: 17.03.2022

Olga V. Metel

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

**BETWEEN ORGANISATIONAL DIFFICULTIES
AND CONCEPTUAL CONTRADICTIONS:
THE PREPARATION OF *WORLD HISTORY*
BY SOVIET RESEARCHERS OF THE LATE 1940s – EARLY 1960s**

The author of this article considers the specific challenges faced by Soviet historians when working on *World History*, a multi-author ten-volume publication that was supposed to showcase the Soviet historiography of the 1950s and present the history of humanity from the primitive age to modernity. The author of this article analyses several historical sources: office documents of the USSR Academy of Sciences, periodicals, scholarly texts on history, etc. The analysis of these documents makes it possible to reconstruct the main mechanisms of organising work on the multi-author publication and present the “construction” and “assembly” of the finalised text. The author divides the *World History* project development into two stages: the 1930s–1940s and the 1950s–1960s. In the 1930s–1940s, the organisational difficulties and conceptual differences hindered the finalisation of the book before the war. In early postwar years, this project was irrelevant, and the work was resumed in 1950. However, initially, the historians faced considerable obstacles when organising the process of work on the book. Certain changes took place after a special section was established at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences which was responsible for the work on *World History* and carrying out special discussions meant to solve the problems in relating history. Therefore, in 1955–1965, all the ten volumes of this edition were published, and they received overall positive feedback from colleagues. However, the publication soon came to be entitled “irrelevant classics” and failed to spread far and wide among the Soviet population.

Key words: *World History*; Soviet historiography; Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR; multi-author publications; scholarly planning

Acknowledgements

This article was prepared with the financial support of grant MK-309.2020.6 “Soviet Historical Science in the 1940s–1980s: The Experience of Institutional History” of the President of the Russian Federation.

For citation: Metel, O. V. (2022). Mezhdru organizatsionnymi slozhnostiami i kontseptual'nymi protivorechiiami: podgotovka “Vsemirnoi istorii” sovetскими

issledovateliami kontsa 1940-kh – nachala 1960-kh gg. [Between Organisational Difficulties and Conceptual Contradictions: The Preparation of *World History* by Soviet Researchers of the Late 1940s – Early 1960s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 140–154. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.030>

Submitted: 03.09.2021

Accepted: 17.03.2022

Занимаясь изучением истории советской исторической науки, сложно оставить без внимания проблему подготовки ключевых «метанарративов» тех лет — коллективных многотомных изданий, призванных стать «витриной» советской историографии и продемонстрировать достижения историков-марксистов в деле изучения прошлого человечества. Однако современными специалистами данный сюжет разработан недостаточно, и хотя авторами отдельных статей были введены в оборот ценные и значимые материалы, позволяющие сделать любопытные выводы о механизмах функционирования советской исследовательской традиции [Свешникова; Вигасин, Карпюк; Карпюк, Крих], тематические и хронологические лакуны в освещении процесса подготовки «Всемирной истории», «Истории СССР» и других подобных изданий до сих пор представляются весьма серьезными. Так, если говорить о «Всемирной истории» — коллективном многотомном издании, подготавливаемом сотрудниками Института истории АН СССР в конце 1930-х — начале 1960-х гг. с целью «развернуть» с марксистско-ленинских позиций «картину исторического развития человеческого общества от его зарождения и до наших дней» [Всемирная история. Проспект, с. 3] — то в работах современных исследователей затрагивается лишь начальный, довоенный, период создания названного «многотомника», тогда как послевоенные этапы работы над итоговым вариантом его текста практически не попадают в поле зрения специалистов [Карпюк, Крих; Метель]. Именно поэтому в рамках настоящей статьи мы хотели бы продолжить изучение данной тематики и реконструировать основные этапы подготовки «Всемирной истории» советскими учеными в 1950–1960-е гг. Для решения данной задачи мы считаем возможным обратиться к различным делопроизводственным документам, сохранившимся в Научном архиве Института российской истории Российской академии наук (далее — НА ИРИ РАН), Архиве Российской академии наук (далее — АРАН), Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее — Научно-исторический архив СПбИИ РАН) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ), дополнив архивные тексты данными некоторых других источников (материалы периодической печати, труды историков и др.).

В целом, идея подготовки многотомных изданий, представляющих собой попытку дать целостное освещение истории отдельных стран и эпох, не была сугубо советским явлением. К созданию таких «метанарративов» тяготела историческая наука XIX в., нередко впервые концептуально выстраивавшая

«отечественные» и «всемирные» истории. Однако советские «многотомники» все же очевидно отличались от аналогичных зарубежных и дореволюционных изданий. В частности, они должны были обязательно носить коллективный характер и являться отчетливым выражением «научной конвенции» — взглядов советских историков-исследователей по тому или иному вопросу. Такие черты были обусловлены тем, что еще в 1920-е гг. коллективная разработка той или иной научной проблемы была признана «стандартом» исследовательской деятельности во всех научно-исследовательских институтах СССР, стремившихся, как неоднократно указывали их руководители и сотрудники, покончить с «кустарностью» и «распыленностью» зашедшей в тупик «буржуазной» науки и реализовать на практике «прогрессивную» установку на планирование «общественно-организованного» научного труда [Тер-Оганесов, с. 5; Бухарин, с. 327]. Именно поэтому вместо подготовки индивидуальных монографий, которые нередко играли скромную роль в планах работы академических институтов исторического профиля в 1930–1960-е гг. [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 396, л. 79], сотрудники данных учреждений должны были, прежде всего, заниматься созданием коллективных изданий — учебников, сборников и многотомных трудов по истории СССР, всемирной истории, истории культуры и др.

«Всемирной истории» в этом ряду, безусловно, было отведено особое место. Как утверждал Н. М. Лукин, первый директор Института истории АН СССР, в конце 1930-х гг. советская общественность остро нуждалась в *советской* «Всемирной истории», ведь именно она должна была стать «настойной книгой» для всех советских граждан, формируя у них целостное представление об историческом процессе [Лукин, с. 3–7, 21]. Более того, по словам Н. М. Лукина, в *советской* «Всемирной истории» нуждались и сами историки-марксисты, так как именно ей суждено было стать «острейшим оружием» в борьбе советских историков с «буржуазными учеными» и представителями «школы Покровского» [Там же, с. 21]. Причем столь ответственную задачу нужно было решить как можно скорее: согласно предварительным планам, все тридцать томов «Всемирной истории» должны были выйти из печати в течение двух ближайших «пятилеток». И хотя далеко не все ученые, привлеченные к работе над «многотомником», считали названные сроки реалистичными и предлагали или сократить общее количество томов (Б. Д. Греков), или отказаться от замысла описать «всю историю» человечества, заменив ее освещением некоторых актуальных проблем (В. П. Волгин, А. Д. Удадьцов), в общей атмосфере «штурмовщины» конца 1930-х гг. возобладала точка зрения тех, кто настаивал на возможности выполнить заявленную работу в срок, просто эффективно организовав процесс подготовки каждого тома (А. Л. Сидоров) [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 2–21].

Однако «рационализация» научного труда не привела к желаемым результатам, и к началу Великой Отечественной войны в печати появился лишь один том из трех заявленных серий (древняя, средняя и новая истории [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 68а, л. 58]). Речь идет о коллективной монографии «Французская буржуазная революция 1789–1794 гг.», которая должна была стать

вторым томом серии новой истории [Французская буржуазная революция 1789–1794 гг.]. Причем и она вышла из печати с некоторым опозданием: в планах Института истории АН СССР публикация данного издания была заявлена к очередному юбилею революции (1939), но фактически монография увидела свет лишь в 1941 г. после длительного утверждения, сверки и верстки материала [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 107, л. 1]. Помимо этого труда, как неоднократно отмечали современники, еще три тома «Всемирной истории» были подготовлены «в черновиках», работа же над остальными томами практически не велась [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 230, л. 17].

Причины подобных «производственных срывов» были весьма банальны. В конце 1930-х гг. в академических институтах еще не была разработана эффективная организационная модель, которая бы позволила выстроить процесс подготовки «Всемирной истории». Как справедливо указывают С. Г. Карпюк и С. Б. Крих, Институт истории АН СССР, на который и была в первую очередь возложена задача подготовки данного «многотомника», просто не располагал ни достаточным количеством кадров историков, способных реконструировать все аспекты прошлого человечества, ни достаточными финансовыми ресурсами для того, чтобы оплатить их работу или привлечь сторонних специалистов [Карпюк, Крих, с. 1017–1020]. В результате, в 1939 г. В. П. Волгин сделал неутешительный вывод: «у редакции проекта нет помещения (помещений Института истории не хватает самому Институту), работа сотрудников АН по написанию глав не оплачивается и делается параллельно основной работе в Академии, нет штатов для редколлегии и специальных ассигнований на все это» [Там же, с. 1022]. И эти аргументы в дальнейшем неоднократно повторялись коллегами В. П. Волгина. К примеру, в 1950 г. в одной из докладных записок заместитель директора Института истории АН СССР С. Л. Утченко объяснял причины неудовлетворительных результатов работы над «Всемирной историей» в довоенный период отсутствием специалистов, располагавших необходимым временем для подготовки глав, и недостатком финансирования, требуемого для покрытия текущих расходов [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 578, л. 1–2].

Однако названные сложности были не единственным препятствием для своевременного завершения работы над «Всемирной историей». Помимо того, что в обстановке конца 1930-х гг. часть сотрудников постоянно «выбывала» или «перебрасывалась» на решение других задач, а сохранившиеся авторские коллективы не соблюдали сроки представления рукописей, свою роль в «срывах» производственных планов Института истории играл и тот фактор, что советские ученые того времени не могли договориться между собой по ряду ключевых теоретических вопросов и обеспечить единство редакционной политики. В результате, даже представленные материалы были далеки от статуса «конвенциональных» и требовали дальнейших серьезных обсуждений и доработок. Недаром, именно на рубеже 1930–1940-х гг. в академических институтах прошли различные дискуссии, посвященные марксистскому пониманию крито-микенской цивилизации, абсолютной монархии,

буржуазной революции и других исторических явлений [Карпюк; Кондратьев, Кондратьева, с. 84–110].

В 1940-е гг., в условиях военного времени и в первые послевоенные годы, работа над «Всемирной историей» была приостановлена. В период эвакуации советские историки были вынуждены скорректировать исходные планы работы академических институтов и обратиться к решению новых актуальных задач (подготовка трудов по военной тематике, разработка учебных изданий для средней школы, «помощь» ученым союзных республик в написании их «местных» историй и др.), а во второй половине 1940-х гг. в планах отдельных подразделений Института истории АН СССР (наряду с заявленными монографиями) уже появились новые «многотомники». К примеру, сектор новой истории АН СССР к столетнему юбилею европейских революций 1848–1849 гг. должен был подготовить отдельное двухтомное издание, представлявшее собой целостную марксистско-ленинскую версию данных событий [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 346, л. 8]. В результате, в данный период времени работа над «Всемирной историей» проводилась отдельными исследователями, которые, однако, не располагали твердыми сведениями о ее дальнейшей судьбе.

Ситуация изменилась на рубеже 1940–1950-х гг., когда советская историческая наука получила твердое институциональное оформление и некоторое концептуальное единство (которое, впрочем, как мы увидим в дальнейшем, не было абсолютным). В результате, в декабре 1949 г. [ОР РГБ, ф. 632, к. 82, ед. хр. 2, л. 94–98] в Институте истории АН ССР вновь был поставлен вопрос о подготовке «Всемирной истории» (хотя, согласно отчетным материалам сектора древней истории, его сотрудники должны были вернуться к работе над данным «многотомником» еще в 1947 г. [Постовская, с. 180]). Правда, теперь и сотрудники института, и администрация АН СССР предлагали пересмотреть общую концепцию издания и ограничить его десятью-двенадцатью или даже меньшим числом томов [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 230, л. 59]. К примеру, согласно одному из проектов 1950 г. «марксистская концепция всемирной истории», написанная «живым и доступным языком» и богато украшенная иллюстрациями, вполне укладывалась в семь томов: первобытное общество, восточное рабовладельческое общество, Средние века, новая история до 1871 г., новая история до 1917 г., новейшая история до 1941 г., новейшая история до начала 1950-х гг. [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 578, л. 7]. К 1951 г. число томов данного издания, однако, было увеличено, и авторский коллектив из ста историков-марксистов должен был подготовить десять томов «Всемирной истории» [Научно-исторический архив СПбИИ РАН, ф. Ленинградское отделение Института истории АН СССР/СПБИИ РАН, оп. 1, ч. I, д. 18, л. 63]. Эти цифры приобрели нормативный характер три года спустя, когда было принято специальное постановление Президиума АН СССР о подготовке «Всемирной истории», определявшее характер нового издания и состав его редакционных коллегий [ОР РГБ, ф. 632, к. 82, ед. хр. 2, л. 97–98].

В 1950-е гг. работа над планируемым «многотомником» строилась в рамках привычных для советской академической науки организационных моделей.

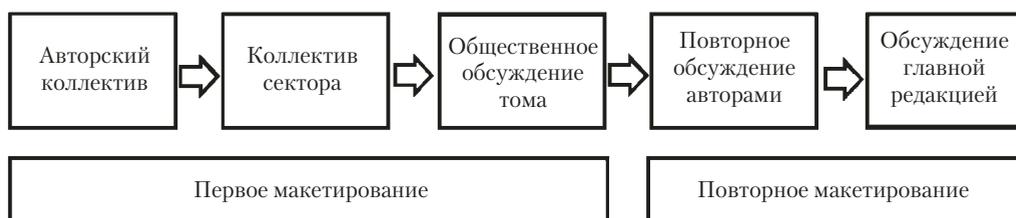
Главным «штабом» подготовки «Всемирной истории» вновь выступал Институт истории АН СССР, и именно за его секторами были «закреплены» отдельные тома планируемого издания, а их заведующие, наряду с дирекцией института, должны были осуществлять общий контроль над сотрудниками, участвовавшими в подготовке издания. Тем более, что теперь работа над главами «много-томника» являлась для сотрудников Института истории плановой и включалась в план-карты и отчетные документы. Однако дирекция Института истории и руководство его секторов были не единственными центрами, руководившими подготовкой «Всемирной истории». Как и в 1930-е гг., во главе каждого тома стояла специальная редакционная коллегия, осуществлявшая общий подбор авторов, работавших в различных институтах Отделения истории и философии АН СССР (с 1953 г. — Отделения исторических наук) или иных научно-образовательных центрах страны, и иницилирующая обсуждение подготовленных материалов (которые также рассматривались и на заседаниях отдельных секторов). Общее же руководство процессом издания данного «много-томника» находилось в ведении главной редакции, возглавляемой будущим академиком Е. М. Жуковым. В результате, получалось, что каждый том «Всемирной истории» находился как бы в «двойном подчинении»: его подготовкой занималась редколлегия тома и рабочие редакторы, а общий контроль должна была осуществлять главная редакция, но при этом большинство текущих вопросов, в том числе и относительно работы с авторами издания, находилось в ведении секторов Института истории (тем более, что зачастую кадровый состав этих структур совпадал).

Результаты работы над «Всемирной историей» в рамках подобной организационной модели оказались неоднозначными, и в апреле 1953 г. очередное заседание ответственных редакторов, прошедшее в Институте истории АН СССР, вновь зафиксировало общее «неблагополучие» в написании всех десяти томов, связанное с превышением установленного объема издания, срывом сроков предоставления рукописей, отсутствием должного редактирования поступивших материалов и др. [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 956, л. 1–75]. Та же критика прозвучала и в постановлении Президиума АН СССР, которое было принято в начале 1954 г. и гласило, что, несмотря на общее улучшение ситуации, связанное с подготовкой «много-томника», редакторы отдельных томов (в частности, был назван В. И. Авдиев) систематически нарушали утвержденный график «прохождения» глав [ОР РГБ, ф. 632, к. 82, ед. хр. 2, л. 95], а главная редакция, в свою очередь, не осуществляла должного научного руководства авторами [О подготовке издания «Всемирной истории», с. 84]. Все это, безусловно, препятствовало своевременному завершению работы над изданием.

В результате, стремясь преодолеть подобные организационные недостатки и нормализовать процесс «изготовления» (в терминологии В. П. Волгина) «много-томника», академическое руководство приняло решение создать в Институте истории АН СССР специальный «вспомогательный орган» — сектор по подготовке «Всемирной истории», ставший в 1953 г. полноценным подразделением института. По замыслу Е. М. Жукова, главного редактора «Всемирной истории»,

именно этому сектору надлежало выступить в роли рабочего аппарата главной редакции и помочь ей в решении текущих повседневных задач [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 307, л. 3–5]. На практике это предполагало организацию и проведение многочисленных обсуждений, связанных с уточнением структуры томов «Всемирной истории», разрешением проблемных теоретических и концептуальных моментов, проведением организационных мероприятий по укомплектованию авторских коллективов, разработку инструментов контроля за работой прикрепленных к сектору сотрудников смежных институтов и др. [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 955, л. 1–4]. Более того, к 1954 г. именно на сектор по подготовке «Всемирной истории» была возложена задача рецензирования и редактирования подготовленных материалов, и, выполняя эту задачу, комиссия сектора, к примеру, признала необходимым доработать сданный в производство III том издания [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1043, л. 1].

Правда, как это нередко бывало в советской науке, возлагая на новый сектор организационно-технические и координационные функции, руководство Института истории далеко не всегда предоставляло его сотрудникам необходимые инструменты для выполнения данных задач. Недаром само появление данного «вспомогательного» органа вызывало серьезные опасения у историков, утверждавших, что новый сектор «много координирует», но «мало приказывает» (В. П. Волгин), а поэтому не может действительно помочь редколлегиям томов в организации их текущей работы, скорее усложняя, а не облегчая деятельность редакторов (Н. А. Сидорова) [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 307, л. 22, 25]. Подобные сомнения, впрочем, оказались оправданными лишь в первые годы работы новой структуры. В дальнейшем сектору по подготовке «Всемирной истории», сотрудниками которого в разные годы являлись Б. Г. Вебер, М. Я. Гефтер, З. С. Белосова и др., удалось наладить более систематическую работу над изданием (хотя это и не предполагало устранение всех трудностей, особенно финансового и кадрового характера, когда, к примеру, редакторов томов отправляли в длительные командировки или не оплачивали работу внештатных сотрудников и научно-технических работников), выстроив общую структуру обсуждения и «прохождения» томов (см. рисунок). Недаром этот организационный механизм в дальнейшем неоднократно использовался сотрудниками Института истории, к примеру, при подготовке многотомной «Истории СССР».

Процесс обсуждения томов «Всемирной истории» в 1950-е гг.
The process of discussing the volumes of *World History* in the 1950s

Однако было бы серьезной ошибкой возлагать ответственность за организационно-технические сложности, связанные с подготовкой «Всемирной истории», лишь на сотрудников академических институтов. Как свидетельствуют делопроизводственные документы секторов, свою лепту в несоблюдение графика издания рукописей вносили и другие структуры, вовлеченные в данный процесс. Так, к примеру, в 1956 г. в Институте марксизма-ленинизма были потеряны фотокопии протоколов Парижской коммуны, и их пришлось заново заказывать в Париже, что, безусловно, повлияло на подготовку соответствующих томов издания [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1238, л. 5]. Кроме того, из-за загруженности типографий Госполитиздата был «сорван» график публикации III тома, вышедшего в 1957 г. с существенным «опозданием» [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1351, л. 2].

В то же время организационные сложности, связанные с подготовкой «Всемирной истории», были отнюдь не единственным препятствием в деле быстрого завершения работы над «многотомником». Свою роль вновь сыграли теоретические разногласия, характерные для советской историографии начала 1950-х гг. и способствовавшие тому, что, приступая к работе над «Всемирной историей», и авторы, и редакторы не имели четкого понимания того, как должен быть выстроен тот «метанарратив», которому предстояло стать «настойной книгой» широких кругов советской интеллигенции [Научно-исторический архив СПбИИ РАН, ф. Ленинградское отделение Института истории АН СССР/СПбИИ РАН, оп. 1, ч. I, д. 18, л. 69] и «оружием» историков-марксистов в борьбе с «буржуазной» историографией [О подготовке издания «Всемирной истории», с. 84]. Более того, ситуация осложнялась еще и тем, что, наряду с внутренними противоречиями, на процесс подготовки «многотомника» влияли и внешние политико-идеологические факторы, связанные с «колебаниями» партийного курса в свете решений очередного съезда КПСС, изменением международной обстановки и др. Недаром на фоне установления «дружеских отношений» с коммунистическим Китаем главная редакция предписывала авторам I, II и III томов согласовывать свои выводы в области китайской истории с результатами работы коллег из Китайской народной республики [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 957, л. 105], а под влиянием «оттепели» обсуждение макетов отдельных томов «многотомника» предполагало активное привлечение к диалогу не только историков-профессионалов из Москвы и Ленинграда, но и специалистов (и даже просто читателей) из других городов СССР (согласно официальным отчетам, в марте-июне 1954 г. в «общественном обсуждении» первых четырех томов приняли участие 80 человек [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1259, л. 1]).

В результате, серьезные споры между советскими историками, приглашенными для работы над «Всемирной историей», начались уже на этапе отбора материала для данного «многотомника», когда установка на преодоление европоцентризма и целостное освещение всемирно-исторического процесса во всей его сложности и многообразии (в том числе с учетом истории «малых» стран и народов) наталкивалась на очевидные ограничения запланированного «листажа»

издания. Так, к примеру, для изложения самого протяженного периода истории человечества, длившегося от эпохи первобытности до начала Нового времени, авторы I–III томов совокупно располагали приблизительно 165 печатными листами текста (I том – 50 п. л., II том – 60 п. л., III том – 55 п. л.), тогда как для освещения нескольких десятилетий истории XX в. их коллеги получили около 100 печатных листов текста (IX и X тома) [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1043, л. 1]. Подобные ограничения, безусловно, приводили к известным трудностям, осложнявшим работу авторов и редакторов «Всемирной истории», которым приходилось искать баланс между «охватом» и «глубиной» изложения материала, стремясь не допустить ни «социологизаторства», ни «фактографизма», «одинаково опасных и нетерпимых в марксистской историографии» [Жуков, с. 176].

Однако сложности, обусловленные особенностями отбора материала для «Всемирной истории», дополнялись и проблемами его интерпретации. Дело в том, что, согласно одной из базовых установок главной редакции (которую, впрочем, разделяли далеко не все авторы), на страницах «Всемирной истории» советские ученые должны были демонстрировать единство мнений по всем ключевым вопросам развития исторического процесса, лишь в редких случаях специально оговаривая «наличие в науке различных точек зрения» относительно того или иного сюжета [Всемирная история, т. 1, с. XXIII]. Такой подход был обусловлен не только самим характером разрабатываемого «многотомника», который, как мы помним, должен был сформировать у советского читателя твердую и однозначную картину исторического процесса, но и общими теоретико-методологическими воззрениями советских ученых, рассматривавших историю человечества в виде *объективного и закономерного процесса* смены общественно-экономических формаций [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 865, л. 222].

Но добиться подобного концептуального единства советским ученым оказалось непросто. Этому препятствовали весьма серьезные разногласия в прочтении событий тех или иных эпох, проявившиеся в начале 1950-х гг. в работах советских историков, принадлежавших к различным «научным поколениям». Так, при работе над I томом «Всемирной истории», освещавшим первобытно-общинный и рабовладельческий периоды в истории человечества (до середины I тыс. до н. э.), Ю. В. Перепелкин, В. И. Авдиев и В. В. Струве никак не могли договориться о характеристике Египта эпохи Среднего царства, а В. В. Струве и И. М. Дьяконов расходились в трактовке истории Ассирии. Причем, В. В. Струве даже собирался провести собственное «контриследование» в области ассирийского прошлого, представив на суд главной редакции «правильную» версию трактовки вопроса о нациях в древности [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 53]. Одновременно очевидные разногласия обнаружились и между специалистами, работавшими над II томом «Всемирной истории», охватывавшим события от середины I тыс. до н. э. до падения Западной Римской империи. В целом, они были связаны с изучением феномена эллинизма, проблемой разложения и падения рабовладельческого общества, формированием феодальных отношений и др. [К обсуждению материалов «Всемирной истории»].

И подобные примеры, характеризующие процесс создания последующих томов «многотомника», безусловно, можно было бы умножать.

Главным инструментом преодоления возникавших разногласий, с точки зрения Президиума Академии наук СССР, должны были стать «творческие обсуждения основных теоретических проблем, связанных с написанием марксистской “Всемирной истории”, с участием актива историков, философов и экономистов» [О подготовке издания «Всемирной истории», с. 84]. Для этого академическое руководство рекомендовало публиковать в ведущих советских периодических изданиях исторического профиля материалы готовящихся томов «Всемирной истории», приглашая к их обсуждению представителей широкой научной общественности. В результате, реализуя данную установку, только при содействии сектора по подготовке «Всемирной истории» Института истории АН СССР, в первой половине 1950-х гг. советские историки провели дискуссии по таким проблемам, как генезис феодализма, особенности процессов первоначального накопления капитала в разных регионах земного шара, периодизация новейшей истории и др. [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1259, л. 5–6]. А на страницах «Вопросов истории», «Вестника древней истории», «Новой и новейшей истории» и других периодических изданий действительно регулярно появлялись материалы, характеризовавшие процесс обсуждения теоретических проблем, возникавших при подготовке рукописей [К обсуждению материалов «Всемирной истории»; Замечания по поводу проспекта тт. I и II; Обсуждение I–IV томов «Всемирной истории»]. Правда, результаты подобных дискуссий оказались все же неоднозначны, и прошедшие обсуждения не обеспечили требуемого концептуального единства советской историографии, что проявлялось, к примеру, уже в вопросах периодизации исторического процесса, которая выглядела «устойчивой» лишь на страницах советских учебных изданий [Клюев, Метель].

Однако, несмотря на названные нами организационные и концептуальные сложности, сделавшие невозможной публикацию «Всемирной истории» в довоенный период, в 1955 г. советская общественность все-таки получила столь ожидаемый «подарок» советских историков — из печати вышел первый том «многотомника», излагавший, как уже говорилось, историю человечества с эпохи первобытности и до середины I тыс. до н. э. [Всемирная история, т. 1]. В дальнейшем в течение последующих десяти лет академическими институтами были подготовлены и опубликованы остальные девять томов «Всемирной истории», последний из которых появился в печати в 1965 г. под редакцией В. В. Курасова и А. М. Некрича и был посвящен «короткому, но весьма насыщенному событиями шестилетнему периоду Второй мировой войны — с сентября 1939 по сентябрь 1945 г.» [Всемирная история, т. 10, с. 7]. Объясняя причины, приведшие к столь различным результатам в довоенные и послевоенные годы, мы считаем возможным обратить внимание читателей на общие условия, в которых протекала работа над «многотомником». Так, если в конце 1930-х гг. советская историческая наука находилась в стадии становления и испытывала на себе серьезное деформирующее воздействие со стороны внешней политико-идеологической

системы, то к середине 1950-х гг. сообщество советских ученых-историков было уже более устойчивым, а общие условия периода «оттепели» создавали возможности для достижения необходимой «научной конвенции», которая, хотя и не снимала всех проблем в изучении того или иного исторического периода, все же задавала «общую рамку» марксистско-ленинского прочтения исторического процесса. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что завершению работы над первым вариантом «Всемирной истории» помешала война, серьезно повлиявшая, как мы уже отмечали ранее, на способы функционирования академических институтов. И, следовательно, мы могли бы предположить, что в иных условиях «Всемирная история», возможно, могла бы появиться в печати в течение двух отведенных для ее подготовки «пятилеток».

Реакция научной общественности на появление в печати «главного труда советских историков» оказалась в целом положительной [Бергер, Болтунова, Ковалев, Мерперт, с. 173]. Недаром первый том «Всемирной истории» был удостоен специальной премии Президиума Академии наук СССР и отмечен рецензентами как издание, позволившее подвести итог «многолетнему труду советских историков в области изучения характерных особенностей, свойственных наиболее примитивной классовой формации – рабовладельческой» [Гельцер, Ефименко, Осипов и др., с. 152] и представить «картину исторического процесса в целом, а не совокупность историй отдельных стран» [Монгайт, Боголюбов, Тюменев, с. 104]. Подобные оценки сохранялись и в отношении последующих томов данного «метанарратива», которые традиционно оценивались рецензентами как «попытки» обобщения достижений марксистско-ленинской науки в области изучения того или иного исторического периода [Смирин, с. 305].

Однако, несмотря на общие положительные отзывы о «Всемирной истории», представленные в официальной советской печати, роль данного издания в развитии советской исторической науки оказалась неоднозначна. С одной стороны, она действительно подвела некоторый итог деятельности советских ученых во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., обозначив своеобразное «пространство консенсуса» – общую характеристику человеческой истории с эпохи первобытности и до середины XX в. Но в то же время она так и не смогла устранить разногласия между советскими учеными по поводу отдельных частных сюжетов и, более того, не выполнила свою главную задачу и не стала «настоящей книгой» для широких кругов советских граждан, которых ей предстояло «вооружить» знаниями для борьбы за единственно научное мировоззрение. Этому препятствовал как общий объем издания, так и характерный для него стиль изложения материала, отличавшийся сложной терминологией и требовавший исходной подготовки читателя. В результате, уже к 1963 г., т. е. до того, как из печати вышли последние тома «многотомника», сотрудники Института истории АН СССР всерьез обсуждали возможность подготовки двухтомной научно-популярной «Всемирной истории», рассчитанной на массового читателя [ОР РГБ, ф. 772, к. 37, ед. хр. 13, л. 93]. Вероятно, именно поэтому в ближайшие

годы «Всемирная история» превратилась в «неактуальную классику» и, как и говорил на одном из обсуждений И. М. Дьяконов, зафиксировала некоторый общий «снимок» развития советской исторической науки на одном из этапов ее истории [Научно-исторический архив СПбИИ РАН, ф. Ленинградское отделение Института истории АН СССР/СПБИИ РАН, оп. 1, ч. I, д. 18, л. 23]. Правда, этот опыт не сказался на общем отношении советских авторов к коллективным многотомным изданиям, и в планах академических институтов они занимали ключевое место и в 1970–1980-е гг.

Источники

- АРАН — Архив Российской Академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 8, 230, 307, 396.
- Бергер А. К., Болтунова А. И., Ковалев С. И., Мерперт Н. Я.* [Рец. на:] «Всемирная история» Академии наук СССР, том II, под редакцией С. Л. Утченко // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 173–188.
- Бухарин Н. И.* О планировании научно-исследовательской работы (к постановке вопроса) // Бухарин Н. И. Избранные труды. История и организация науки и техники / под ред. Е. П. Велхова. Л.: Наука, 1988. С. 324–333.
- Всемирная история. Проспект. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940.
- Всемирная история: в 10 т. / под ред. Е. М. Жукова и др. М.: Госполитиздат, 1955–1965.
- Гельцер М. Л., Ефименко П. П., Осипов А. М., Пикус Н. Н., Рубин В. А., Стучевский И. А.* [Рец. на:] «Всемирная история». Тт. I–II // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 150–165.
- Жуков Е. М.* О подготовке «Всемирной истории» // Вопросы истории. 1954. № 5. С. 175–178.
- Замечания по поводу проспекта тт. I и II // Вестник древней истории. 1953. № 2. С. 216–237.
- К обсуждению материалов «Всемирной истории» // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 136–165.
- Лукин Н. М.* Основные проблемы построения всемирной истории // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 3–23.
- Монгайт А., Боголюбов Н., Тюменев А.* Начало большого труда советских историков // Коммунист. 1956. № 8. С. 102–113.
- НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22, 68а, 107, 346, 578, 865, 955–957, 1043, 1238, 1259, 1351.
- Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ф. Ленинградское отделение Института истории АН СССР/СПБИИ РАН. Оп. 1, ч. I. Д. 18, 23.
- О подготовке издания «Всемирной истории» // Вестник Академии наук СССР. 1954. № 2. С. 84.
- Обсуждение I–IV томов «Всемирной истории» // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 167–171.
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632. К. 82. Ед. хр. 2; Ф. 772. К. 37. Ед. хр. 13.
- Постовская Н. М.* Сектор древней истории Института истории АН СССР в 1948 // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 179–181.
- Смирин М. М.* Четвертый том «Всемирной истории» // Средние века. 1960. Вып. 17. С. 296–306.
- Тер-Оганесов В. Т.* Индустриализация СССР и вопросы организации науки // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 3–20.
- Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Исследования

Вигасин А. А., Карпюк С. Г. Неизданная и забытая: «История культуры» 1941 года // Харківський Історіографічний збірник. 2015. Вип. 14. С. 77–92.

Карпюк С. Г. А после была война: дискуссия 1940 года о характере крито-микенской цивилизации // Вестник древней истории. 2015. № 2. С. 195–205.

Карпюк С. Г., Крих С. Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 4. С. 1011–1031. <https://doi.org/10/31857/S03210390002917-1>

Клюев А. И., Метель О. В. В поисках хронологических рубежей: проблема перехода от средних веков к новому времени в советской историографии // Средние века. 2020. Т. 81, № 3. С. 135–163. <https://doi.org/10/7868/S013187802003007-1>

Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х годов XX века). Тюмень : Мандр и К°, 2003.

Метель О. В. Сектор новой истории Института истории АН СССР на рубеже 30–40-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 3. С. 196–206. <https://doi.org/10/26907/2541-7738.2020.3.196-206>

Свешникова О. С. Как написать историю вместе? Из опыта работы над коллективными монографиями Института истории материальной культуры // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун и др. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. С. 157–168.

References

Karpyuk, S. G. (2015). A posle byla voina: diskussiiia 1940 goda o kharaktere krito-mikenskoii tsivilizatsii [And then there was War: The 1940 Debate about the Nature of the Cretan-Mycenaean Civilization]. *Vestnik drevnei istorii*, 2, 195–205.

Karpyuk, S. G., & Krikh, S. B. (2018). Rabota nad “Vsemirnoi istoriei” v dovoennyi period: poiski upravlencheskoi modeli [The Work on the *World History* in the Pre-War Period: The Search of a Management Model]. *Vestnik drevnei istorii*, 78(4), 1011–1031. <http://doi.org/10/31857/S03210390002917-1>

Klyuev, A. I., & Metel, O. V. (2020). V poiskakh khronologicheskikh rubezhei: problema perekhoda ot srednikh vekov k novomu vremeni v sovetskoii istoriografii [The Search of Chronological Boundaries: The Problem of Transition from the Middle Ages to the Modern Time in Soviet Historiography]. *Srednie veka*, 81(3), 135–163. <http://doi.org/10/7868/S013187802003007-1>

Kondratiev, S. V., & Kondratieva, T. N. (2003). *Nauka “ubezhdat”*, ili spory sovetskikh istorikov o frantsuzskom absoliutizme i klassovoi bor’be (20-e – nachalo 50-kh godov XX veka) [The Science of “Persuading”, or the Controversy of Soviet Historians about French Absolutism and Class Struggle (1920s – Early 1950s)]. Tyumen: Mandr i K°.

Metel, O. V. (2020). Sektor novoi istorii Instituta istorii AN SSSR na rubezhe 30–40-kh godov XX veka [The Section of Modern History of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR at the Turn of the 1940s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria: gumanitarnye nauki*, 162(3), 196–206. <https://doi.org/10/26907/2541-7738.2020.3.196-206>

Sveshnikova, O. S. (2007). Kak napisat’ istoriiu vmeste? Iz opyta raboty nad kolektivnymi monografiiami Instituta istorii material’noi kul’tury [How to Write History Together. From the Experience of Working on Collective Monographs at the Institute of the History of Material Culture]. In V. P. Korzun (Ed.), *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* [The World of the Historian: A Historiographic Collection] (pp. 157–168). Omsk: Omsk State University Press.

Vigasin, A. A., & Karpyuk, S. G. (2015). Neizdannaiia i zabytaia: “Istoriia kul’tury” 1941 goda [Unpublished and Forgotten: “The History of Culture” of 1941]. *Kharkivs’kii Istoriografichnyi zbirnik*, 14, 77–92.

Метель Ольга Вадимовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
644077, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: olgametel@yandex.ru

Metel, Olga Vadimovna

PhD (History), Associate Professor
Department of World History
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira Str., 644077 Omsk, Russia
Email: olgametel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>
WoS ResearcherID: M-6133-2016